

Одноклассники долго не решались подойти. Наконец староста по математике пересилила страх, шагнула к столу и осторожно перелистала листы, словно проверяя, не принёс ли Цзян Нин часовую бомбу.

Это оказалась самая обычная контрольная по математике.

Вот только принёс её Цзян Нин — и именно это наводило ужас. За все полгода с момента перевода он не сдал ни единого домашнего задания.

Прозвенел звонок. Внимание класса переключилось на урок, и про Цзян Нина, сидевшего за последней партой, все благополучно забыли.

Слушая скучную лекцию, он по привычке собрался было улечься на парту, как вдруг что-то больно упёрлось в бедро. Залезв в карман брюк, Цзян Нин вытащил мятый листок — тот самый, что ему насильно впихнули в учительской.

От долгого мытарства бланку досталось крепко, он весь помялся, но выведенные в верхнем правом углу иероглифы «Лу Чжихань» всё равно бросались в глаза своей аккуратной свежестью.

Этому имени точно не место на работе, оценённой в ничтожные девять баллов.

Даже не зная, каким Лу Чжихань был в школьные годы, Цзян Нин без труда мог представить образцового отличника — из тех, чьим именем гордится педагогический состав и восхищаются одноклассники.

Надо же, правильный какой. И надо было такому правильному связаться с его непревзойдённой персоной?

Засунув чужую контрольную между страниц учебника, Цзян Нин вытянул чистый бланк, только что разданный дежурным.

Чем-чем, а бесконечным потоком макулатуры Первая средняя школа Линьцзяна могла обеспечить с избытком. Помимо плановых экзаменов, учителей хлебом не корми — дай откопать откуда-нибудь варианты прошлых лет и заставить учеников решать их до посинения.

Цзян Нин, учившийся прежде в международной школе, с подобной манией сталкивался впервые. Да и за те полгода, что провёл здесь, он ни разу не снизошёл до домашних заданий.

«Ладно, это всего лишь одна математика. На экзамене дают два часа, уж за целый-то день я с ней справлюсь», — подумал он и впервые за долгое время взял в руку ручку.

Цзян Нин внимательно вёлся взглядом в условия задач.

Занесенный кончик ручки застыл над бумагой.

Прошло несколько минут, за которые он сподобился вывести лишь собственную фамилию.

Почесав затылок, Цзян Нин раскрыл учебник. За полгода учебы книга выглядела так, словно её только что принесли из типографии: ни пометки, ни загиба. Он не имел ни малейшего понятия о программе, да и смысл напечатанных формул от него ускользал.

Но кто такой Цзян Нин? Человек, способный ночами напролёт проходить хардкорные игры! Неужели его напугают какие-то вшивые задачки?

К моменту, когда прозвенел звонок на обеденный перерыв, в его бланке красовались ответы лишь к паре тестовых вопросов.

Чёрт. С наскока эту крепость не взять.

А ведь он, на свою голову, задолжал Лу Чжиханю взлёт в рейтинге на пятьдесят позиций.

Телефон в кармане завибрировал. Цзян Нин разблокировал экран и увидел карточку контакта, присланную Лу Чжиханем.

[лчх: Это мой помощник, фамилия Чжу. Отныне он будет привозить тебе обеды и ужины. Если захочешь чего-то конкретного, просто скажи ему.]

Первым импульсом было отказаться, мол, не стоит хлопот. Но отказываться от халявы — грех, к тому же Лу Чжихань сам напросился на роль его личного «большого простофили», подаренного Приложением Желаний.

Напечатав короткое «Ок», Цзян Нин направился к школьным воротам.

Помощник Чжу вручил ему увесистый термоконтейнер:

— Молодой господин Цзян, тётушка Ван приготовила для вас лечебный отвар. Говорит, он разгоняет кровь и снимает отёки, так что выпейте, пока не остыл.

— А в следующий раз можно заменить снадобье? — поинтересовался Цзян Нин.

— Разумеется. Что бы вы хотели?

— Узнай у неё, нет ли чего-нибудь для мозгов? Ну, чтобы интеллект подтянуть. Чтобы съел — и сразу бах, плюс пятьдесят мест в школьном рейтинге!

Помощник Чжу лишился дара речи. С подобными запросами ему сталкиваться ещё не приходилось.

Выяснив, что чудо-снадобья в природе не существует, Цзян Нин разочарованно потащил судки обратно.

Телефон снова подал сигнал.

[лчх: Ссылка — «Реальные факты! Разоблачение мошеннических схем с биологически активными добавками "для ума": как наживаются на абитуриентах и чем опасен их состав...»]

[лчх: Почитай.]

[лчх: И не подбирай в рот всякую дрянь.]

Цзян Нин терялся в догадках, радоваться или беситься. Читать он, естественно, ничего не собирался. За кого его держат? За бездомного щенка, подбирающего с земли всякую гадость?

Он открыл карточку контакта, сброшенную Лу Чжиханем. Помощник Чжу. На аватарке красовался человек в строгом костюме — вылитый адвокат из известной мемоемкой рекламы «Профессиональная команда».

Цзян Нин тяжело вздохнул. На этом фоне ядовито-зелёный горшок с орхидеей на аватарке Лу Чжиханя казался едва ли не верхом эстетического изыска.

Поднявшись на крышу, он в гордом одиночестве уничтожил содержимое контейнеров, после чего вернулся в класс.

Кабинет уже успел заполниться народом. Кто-то болтал, а кто-то вовсю зубрил.

Чуть наискосок от Цзян Нина сидел щуплый парень в очках. Он как раз дописывал утреннюю контрольную — ту самую, что Цзян Нин принёс из учительской. Ручка в его пальцах порхала с невероятной скоростью, задерживаясь на последнем задании.

«Строчит от балды, что ли?» — мельком подумал Цзян Нин. Раньше он и не подозревал, что по соседству сидит эдакий гений мысли. Впрочем, если быть честным, он вообще едва различал одноклассников в лицо.

Пока он размышлял, очкарик поставил финальную точку. А затем... достал из подпарточника абсолютно такую же чистую работу и с ходу принялся за первую задачу.

«Чего?!»

Цзян Нин мог похвастаться идеальным зрением и готов был поклясться: бланки идентичны. Впрочем, догадка осмыслила его быстро. Наёмный писарь. По доброй воле или под давлением — неважно, но среди школьников всегда хватало трусов, которые боялись нахлобучки от учителей и вызова родителей, а потому спихивали домашки на других.

У Цзян Нина подобных комплексов не водилось, поэтому он просто забивал на учёбу.

Спустя пару минут с задних рядов донеслись громкие возгласы и скрип кроссовок. В класс ворвалась компания взмыленных парней с баскетбольным мячом.

— Видел, какой я трёхочковый засадил? Красота же!

— Да ты из десяти попыток еле один забросил, тоже мне, мастер!

До начала официальной тишины оставались считанные минуты, поэтому их гогот резал слух особенно больно.

Высокий верзила затолкнул мяч под ствол своего стула, достал собственную контрольную и, подойдя к очкарику, с наигранной мольбой уложил ладони в молитвенном жесте:

— Чжао Цзыцянь, дружище, выручай! Сегодняшнюю работу тоже на тебя расписываем, лады?

Наглый говор раздался прямо над ухом Цзян Нина. Подперев щеку ладонью, он лениво вскинул глаза.

Парень по имени Чжао Цзыцянь судорожно сжал ручку, желваки на его худом лице заходили ходуном. Поколебавшись мгновение, он деревянным движением потянулся за бланком.

Спинка стула Чжао Цзыцяня содрогнулась от ощутимого удара. Удар был не столько сильным, сколько демонстративным.

Баскетболисты, оборачиваясь, столкнулись с ледяным, обещающим неприятности взглядом Цзян Нина.

— Орёте, как недорезанные.

Верзила в спортивной майке мгновенно утратил всю свою спесь и, расплывшись в подобострастной ухмылке, залепетал:

— Ой, прости, прости! Уже уходим.

Он сделал шаг назад, но Цзян Нин поднялся с места и небрежным взмахом смахнул бланк на пол.

— Забери своё барахло.

Парень сжал зубы, подбирая листок. Его лицо переливалось всеми цветами радуги от сдерживаемой злобы. В конце концов он не выдержал:

— Нин-ге, мы же между собой разбираемся, тебе-то какое дело?

— А вот прямое, — отрезал Цзян Нин. Положив руку на плечо ни живого ни мёртвого от страха очкарика, он громко, чеканя слова, объявил: — Тебя ведь Чжао Цзыцянь зовут? Так вот, с сегодняшнего дня ты мой личный писатель. И больше ничей.

С этими словами Цзян Нин запустил руку в чужой подпарточник, сгрёб готовые контрольные с чужими фамилиями и сжал их в один плотный бумажный ком.

У стоящих рядом спортсменов вытянулись лица, взгляды налились яростью.

Цзян Нин словно не замечал их испепеляющих взглядов. Пародируя недавний бросок верзилы, он вскинул кисть и отправил бумажный снаряд по идеальной дуге. Ком с глухим стуком впечатался точно в урну.

Баскетболисты ошарашенно застыли.

Довольный произведённым эффектом, Цзян Нин искривил губы в высокомерной ухмылке. Он выглядел как законченный хулиган, не признающий чужих авторитетов.

— Слышал? — бросил он сжавшемуся Чжао Цзыцяню. — Теперь пишешь только то, что я скажу. Понял?

Тот лишь хлопал глазами, а затем, словно очнувшись от гипноза, часто-часто закивал.

Зеваки в классе от удивления лишились речи. Наглость переходила все границы! Заставлять человека делать за себя уроки, да ещё с таким хозяйским видом... Когда уже этого хулигана отчислят из школы?

Прозвенел сигнал к тишине. Цзян Нин сладко зевнул, задвинул штору, перекрывая яркий свет, и снова растянулся на парте, с колоссальным небрежением проигнорировав полные ненависти взгляды.

Стоило ему захрапеть, как обделённые парни тихой сапой потянулись к мусорному ведру — шушукаясь и ругаясь, они стали выуживать свои скомканные работы.

Чжао Цзыцяню было не до сна. Сердце колотилось в груди как бешеное, а в ушах всё звучал дерзкий голос Цзян Нина.

«Если я правда буду писать только для него одного... это же просто спасение!»

Щуплый, болезненный Чжао Цзыцянь всегда отличался глубоким умом, за что сверстники клеймили его «ботаником» и «девчонкой». В мужских компаниях таких не жаловали.

Пытаясь хоть как-то влиться в коллектив, он однажды согласился сделать за кого-то контрольную. На короткое время это действительно подарило иллюзию приятельства.

Но вскоре наглецы сели ему на шею: задания сыпались горой, сопровождаясь похлопываниями по плечу и требованиями «менять почерк, чтобы училка не засекала».

Набраться дерзости и послать всех к черту, как это сделал Цзян Нин, Чжао Цзыцянь не мог, а пожаловаться взрослым боялся. Приходилось терпеть и глотать обиду.

И вот теперь ему оставалось работать только на одного человека. Впервые за долгое время он почувствовал, как с плеч упала тяжелейшая глыба.

Весь остаток дня Цзян Нин провалился на локтях, неохотно выпрямляясь лишь под трель очередного звонка.

Когда закончилась самоподготовка, он собрал вещи и направился к выходу, будто совершенно позабыв о дневном инциденте.

Чжао Цзыцяня прошиб холодный пот. Если Цзян Нин уйдет и заберет свою защиту, униженные баскетболисты отыграются на нем по полной!

— Цзян Нин! — набравшись храбрости, окликнул он юношу.

Тот обернулся, на ходу вбивая текст в телефон. На его лице застыло раздражение:

— А, это ты... Чего надо?

Чжао Цзыцянь испуганно сглотнул, но вовремя заметил, что злоба Цзян Нина адресована собеседнику на том конце провода. Дрожащими руками он вытащил исписанный листок:

— Цзян... Цзян Нин, вот! Я всё решил, тебе осталось только имя вверху поставить.

Цзян Нин перестал строчить сообщения, бросил короткий взгляд на безупречно заполненный бланк, но брать его не спешил.

— Ты не думай, я почерк изменил! — засуетился очкарик. — Никакой учитель не догадается!

«Ишь ты, сервис на высшем уровне», — иронично отметил про себя Цзян Нин.

— Дело не в почерке, — произнёс он вслух. — Сам подумай: если я с моими нулями вдруг сдам идеально решённый вариант, кто в это поверит?

Чжао Цзыцянь окончательно впал в панику:

— Тогда... тогда я сейчас сбегаю, откопирую чистый бланк и переделаю всё заново...

— Вот ещё, морока, — буркнул Цзян Нин.

Окинув взглядом опустевшие парты, он цапнул со своего стола ручку и размашисто вывел на бланке несколько иероглифов.

— Ты сам это написал. Это твоя работа, и никто не смеет её отбирать.

Чжао Цзыцянь взглянул на шапку работы. На месте фамилии автора коряво, но твёрдо стояло его собственное имя: Чжао Цзыцянь.

До него наконец дошло.

Сгребя вещи в рюкзак, Чжао Цзыцянь торопливо посеменил за спасителем. Поначалу он держался на приличном расстоянии, но, осознав, что его не прогоняют, осмелел и поравнялся с Цзян Нином.

Фонари на школьной аллее горели тускло, зато яркий экран телефона Цзян Нина выхватывал из тьмы каждую деталь. Чжао Цзыцянь случайно коснулся взглядом верхнего поля чата. Там значилось имя контакта:

[Большой простофиля]

Слово казалось грубым, но выражение лица Цзян Нина, когда тот набирал ответ, совсем не вязалось с этим прозвищем. В его глазах не было злобы — скорее, сдерживаемое, невольное тепло.

Не зная сути их отношений, Чжао Цзыцян тем не менее понял одно: этот человек невероятно важен для его спутника.

За воротами школы припарковался белоснежный автодом премиум-класса. Проходившие мимо ученики то и дело бросали на него любопытные взгляды, а кто-то даже доставал телефоны, чтобы незаметно сфотографировать роскошное авто.

Едва Цзян Нин появился на улице, как тонированное стекло плавно опустилось. Из салона импозантный, невероятно привлекательный мужчина сдержанно взмахнул рукой, призывая его подойти.

Цзян Нин раздосадованно цыкнул, но прибавил шаг и, распахнув дверцу, с ходу буркнул:

— Я же сказал, что доберусь сам!

<http://bllate.org/book/19724/1943062>